

Гу Ицзя пришёл в себя от тупой, ноющей боли в спине.

«Чёрт...»

Кто бы мог подумать. Страховочный трос ведь был толстенный, да и на площадке его страховали чуть ли не с десятков каскадёров, но трюк всё равно оказался чертовски сложным. Похоже, во время прыжка толчковая нога соскользнула, и он полетел вниз.

Перед глазами то и дело темнело, а в ушах тихо звучал вкрадчивый мужской голос. Знакомый закадровый монолог из наушников лился мягко и неторопливо:

«В своих мечтах я видел себя героем. Рыцарем, спасающим принцессу из лап свирепого дракона. Мессией, избавившим мир от первородного зла...»

Голова налилась свинцом, конечности слушались с трудом — видимо, приложило его знатно. Попытавшись сесть и размять затекшие мышцы, Гу Ицзя опёрся обо что-то ладонью и нащупал гладкое дерево.

Под рукой был подлокотник. Кресла? Но откуда здесь кресло?

Он попытался оглядеться, но кто-то уверенно и мягко вернул его голову в прежнее положение, а из уха аккуратно вытащили наушник AirPro.

— Красавчик, не крутись! Я же тебе тон испорчу, — раздался капризный, но дружелюбный голос. Над ним стоял человек с огромной пушистой кистью в руке и пуховкой, кокетливо напыленной на мизинец.

— Да Цзо?.. — неуверенно позвал Гу Ицзя.

— А кто же ещё? Ну-ка, закрывай глазки. У меня сегодня от твоей мордашки настроение просто сказочное, так что сотворю из тебя шедевр, пальчики оближешь.

Стилист ласково похлопал Гу Ицзя по щеке.

Точно, Да Цзо.

Внутри у Гу Ицзя всё похолодело. Да Цзо, он же Тянь Цзоли, был его бессменным стилистом на протяжении многих лет. И по совместительству — самым первым человеком, которого он встречал после каждого своего перерождения.

Покорно вздохнув, юноша закрыл глаза и вернул беспроводной наушник на место. В ухе снова

завучал его любимый монолог:

«... Но когда я очнулся...»

Ему даже не требовалось открывать глаза, чтобы в деталях описать обстановку. Он прекрасно знал, что сидит в просторной общей гримёрной. Соседние кресла пустуют. Вдоль стены тянется длинный стол с ярко горящими лампочками вокруг зеркал. На нём — привычный хаос: брошенные в спешке стаканчики из-под кофе, кисти, открытые пачки чипсов и прочий мусор, оставленный коллегами, которые уже убежали на сцену.

«...я понял, что не гожусь даже на роль злодея...»

В этой огромной комнате они остались вдвоём — он и порхающий над ним Да Цзо.

И Гу Ицзя без всякого зеркала помнил, какое лицо сейчас отражается на зеркальной поверхности перед ним. Обаятельное, безупречное лицо с тонкими, благородными чертами. Разрез глаз — изящный, почти эльфийский; когда он улыбался, казалось, будто весь мир вокруг затапливает мягкий свет. Но стоило ему расслабиться, как в его взгляде проступала едва заметная, глубокая и щемящая грусть.

«... Потому что я бессилен. Я не могу спасти тебя. Я даже себя спасти не могу».

Под эти горькие слова Гу Ицзя тихо, обречённо вздохнул.

Ровно через минуту дверь с треском распахнётся, и на пороге покажется его запыхавшаяся помощница. От неожиданности Да Цзо вздрогнет и выронит баночку со сверкающей пудрой прямо на него. Гу Ицзя придётся бежать к сцене, на ходу отряхивая одежду и оставляя за собой сияющий шлейф, точь-в-точь как сказочная пыльца Динь-Динь. Кто-то из случайных прохожих снимет это на телефон, выложит в Вэйбо, а пост ретвитнет знаменитый режиссёр Чжао Хун.

Так начнётся его триумфальное шествие. Головокружительный взлет, море цветов, признание. За какие-то семь лет он превратится в некоронованного короля шоу-бизнеса... чтобы в самом конце нелепо погибнуть в результате несчастного случая.

Он знал поминутно каждый свой шаг, потому что застрял в этой бесконечной петле времени. Семь лет — от безвестности до оглушительной славы — повторялись снова и снова. И вот он опять на стартовой позиции. В той самой гримёрной, за кулисами провинциального концерта, за шаг до рокового взлёта.

Да. Он опять умер и опять вернулся в начало.

В прошлых жизнях он перепробовал сотни способов обмануть судьбу. Уворачивался от

злосчастной пудры, притворялся больным, пытался сорвать выступление, заранее звонил ассистенту, умоляя не входить в комнату... Бесполезно. Не было пудры — сыпались стразы. Или на него по ошибке надевали костюм, с которого лавиной осыпались пайетки. Или ассистент всё-таки спотыкался на ровном месте. Один раз великий режиссёр вообще перепутал двери и сам зашёл в его гримёрную до начала шоу.

И это были лишь цветочки. На протяжении этих семи лет судьба расставляла ему ловушки на каждом шагу, и Гу Ицзя отчаянно боролся. Он менял всё, что мог: от цвета нижнего белья до профессии — однажды он даже попытался уйти из индустрии навсегда. Пробовал он и самый радикальный выход... сводил счёты с жизнью.

Но любые попытки вырваться приводили к одному и тому же исходу: он неизбежно открывал глаза в этом кресле. Невидимый кукловод соткал для него идеальную клетку из семи лет жизни. Гу Ицзя стал пленником времени, запертым в вечном лимбе без единого шанса увидеть настоящий рассвет.

В наушниках тем временем раздался тихий финал монолога:

«... Но даже это не помешает мне любить тебя».

Гу Ицзя вздрогнул. Сколько бы сотен раз он ни слушал эту фразу, она каждый раз отзывалась щемящей нежностью в груди.

— Эй, ты как? Всё нормально? — Да Цзо, заметив, как изменилось лицо парня, наклонился поближе.

— Всё отлично. Просто замечательно, — улыбнулся Гу Ицзя.

Подумаешь, очередное перерождение. В конце концов, у него оставалась надежда. К тому же за столько кругов ада он отточил все навыки выживания в шоу-бизнесе до абсолютного максимума.

«Что ж, дорогая судьба, даже это не помешает мне любить тебя. Уж я-то тебя... до смерти залюблю».

Мягкие ворсинки кисти приятно щекотали кожу. Гу Ицзя расслабился и принялся азартно размышлять: какую бы каверзу устроить в этот раз, чтобы знатно потрепать нервы госпоже Судьбе?

— Брат Да Цзо, а ты сегодня взял блёстки? — спросил он, откидываясь на спинку кресла и послушно подставляя лицо под кисть.

— Три вида! Золото, серебро и бронза, — стилист удивлённо и радостно вскинул брови. — Надо

же, наши мысли сошлись! Я как раз хотел добавить тебе немного мерцания для эффектного выхода.

Не успел Гу Ицзя ответить, как дверь с грохотом распахнулась. В гримёрную вихрем влетела невысокая короткостриженная девушка — Линь Исяо, его временная помощница, которую все звали просто Сяосяо.

В руках она сжимала шуршащий пакет с доставкой еды. Едва переведя дух на пороге, она затараторила:

— Брат Цзя, ты почему ещё не готов?! Там программу перекроили! Мы выступаем буквально через одного!

Гу Ицзя, даже не оборачиваясь, лениво протянул руку назад и аккуратно придержал Сяосяо за локоть. Девушка послушно замерла, так и не успев наступить на валявшийся на полу колпачок от помады, о который должна была споткнуться. Второй рукой юноша ловко перехватил у неё пакет. Заглянув внутрь, он убедился, что стаканчики с напитками стоят ровно.

В прошлых петлях этот злосчастный пакет доставлял ему немало мелких неприятностей — то чай прольётся на брюки, то соус капнет на рубашку. На судьбу это не влияло, но ходить весь вечер в мокром было сомнительным удовольствием.

— Сяосяо, выдохни. Всё мы успеем, — спокойно проговорил он, ставя пакет на пол. — И прекрати звать меня «братом Цзя». Ты вообще-то старше меня на целых три месяца.

— Да как тут не паниковать! Брат Да Цзо, умоляю, побыстрее! — Сяосяо, как всегда, оправдывала свой взрывной характер, тараторя со скоростью пулемёта.

— Ладно-ладно, Сяо Гу. Слушай меня внимательно, — заговорщицки зашептала помощница. — Ты только что отхватил статуэтку за лучшую мужскую роль второго плана. Ведущий сто процентов вытащит тебя на короткое интервью. В зале сегодня соберутся все ключевые спонсоры и представители люксовых брендов. Не подкачай! Если кто-то из них положит на тебя глаз, нам больше никогда не придётся унижаться перед модными домами, вымаливая костюмы на ковровые дорожки.

До того как стать личной помощницей Гу Ицзя, Сяосяо работала в отделе снабжения и до смерти устала выслушивать отказы высокомерных бренд-менеджеров.

Гу Ицзя лишь мягко хмыкнул в ответ.

«Милая Сяосяо, подожди немного. Скоро эти самые бренды будут драться за право одеть меня, а ты будешь страдать от мук выбора среди сотен эксклюзивных новинок».

Параллельно он незаметно потянулся к стоявшему на полу пакету и с силой надавил на крышку пластикового стакана с молочным чаем. Раздался негромкий щелчок — пластик встал в пазы намертво. Он отлично помнил, что через минуту Да Цзо потянется именно за этим стаканом. И бог свидетель, в прошлых жизнях этот чай проливался на безупречный наряд стилиста слишком много раз.

Ну вот, все мелкие ловушки обезврежены. С остальным бороться бессмысленно — судьба всё равно возьмёт своё.

— Брат Да Цзо, давай засыпем серебряные блёстки, — скомандовал он.

Раз уж неизбежного не избежать, нужно хотя бы извлечь из этого максимум выгоды. Серебро — выбор смелый, даже вызывающий, но под его чёрный костюм подойдёт идеально.

Гу Ицзя убрал наушники в кейс, глубоко вздохнул и зажмурился, морально готовясь к очередному крещению блёстками... и новой жизнью.

Вдруг в коридоре за дверью поднялся невероятный шум. Доносились обрывки фраз: «Срочные изменения в списках!», «Быстрее, шевелитесь!». Затем в дверь дважды коротко стукнули, и на пороге показалась взмыленная голова администратора.

— Проверяем свободные места, извините! — выдохнул он и тут же скрылся, захлопнув дверь.

— Ищут свободную гримёрку прямо посреди концерта? Наверняка кто-то приехал без предупреждения, — сообразила Сяосяо. — И это был сам помощник режиссёра! Представляешь, какой статус должен быть у этого гостя?

Она тут же выскользнула в коридор, чтобы разнюхать подробности.

В груди у Гу Ицзя робко вспыхнул огонёк надежды. Новая деталь! Раньше такого не происходило. Неужели в этой петле у него наконец-то появился шанс сломать проклятый сценарий?

Сяосяо вернулась на удивление быстро. Лицо её выражало крайнюю степень потрясения.

— Сказали... приехал Седьмой брат. Чжоу Ци!

— Кто?! — в один голос выдохнули Гу Ицзя и Да Цзо.

От неожиданности стилист слишком резко рванул крышку неподдающейся баночки. Облако сверкающей серебряной пыли взмыло вверх и ровным слоем опустилось на Гу Ицзя с головы до ног.

Огонёк надежды в его груди жалобно звякнул и погас.

— О господи! Какой кошмар! Прости, прости, я сейчас всё уберу! — запричитал Да Цзо, лихорадочно оглядываясь в поисках спонжа.

— Всё в порядке, брат Да Цзо, не суетись, — спокойно отозвался Гу Ицзя, заставляя бешено колотящееся сердце замедлить ход.

Чжоу Ци? Это какая-то шутка. С чего бы ему здесь быть? Непрístupный, невероятно талантливый актёр, который на дух не переносил светские тусовки и развлекательные шоу. Человек, чьим глубоким, бархатным голосом Гу Ицзя заслушивался в наушниках каждый божий день.

Этого просто не могло быть. Его недостижимый идеал, его вечный «белый свет луны» не мог вот так просто войти в его грешную петлю перерождений... Ведь так?

Десятки прожекторов разрезали ночную тьму, заливая сцену ослепительным, почти дневным светом. Тяжёлые удары барабанов заставляли воздух вибрировать, а многотысячная толпа внизу в едином порыве вздымала светящиеся палочки и неоновые вывески. В темноте зала этот океан огней казался бескрайним звёздным небом.

Фанаты исступлённо кричали слова любви. Кто-то задыхался от восторга, у кого-то от слёз потекла тушь, кто-то забирался на стулья, отчаянно размахивая руками... Глядя на это безумие, трудно было поверить, что весь последний год киноиндустрия переживала жесточайший кризис. Наверное, именно из-за долгого застоя людям требовался этот мощный, оглушительный взрыв эмоций в самом конце года — как залог того, что впереди их ждёт совсем другая жизнь.

Гу Ицзя торопливо пробирался за кулисами к выходу на сцену, на ходу отряхивая пиджак. Осевшие на лице блёстки Да Цзо успел в последний момент сдуть феном, но серебряная пыль всё ещё мерцала в волосах и въелась в ткань одежды. Облегающие чёрные брюки неприятно стягивали бёдра, а жёсткие голенища высоких ботинок натирали лодыжки. Впрочем, концертные костюмы редко шились для удобства, и Гу Ицзя давно научился этого не замечать.

Ему было уже не до мыслей о Чжоу Ци. В голове крутился один-единственный вопрос: неужели всё опять пройдёт по накатанной колее?

Помощник режиссёра у кулис отчаянно замахал руками, подгоняя его. Мимо пробежали запыхавшиеся танцоры только что отгремевшего номера, а в ушном мониторе уже раздавался резкий голос координатора сцены, требующий подтверждения готовности.

В какой-то момент Гу Ицзя замер на месте.

«Минуту назад я разбился, сорвавшись со страховочного троса, — подумал он. — А теперь должен выйти туда и притвориться, что ничего не произошло? Снова покорно крутиться в этой бессмысленной карусели?»

И тут в памяти эхом отозвался глубокий голос:

«... Но даже это не помешает мне любить тебя».

Гу Ицзя сжал кулаки. Ради своего идеала он не имеет права опускать руки. Он терпел эти муки столько жизней подряд не для того, чтобы сдать сейчас. Его заветная мечта — получить-таки статуэтку за лучшую мужскую роль и на глазах у всей страны признаться Чжоу Ци в любви прямо со сцены.

Нельзя сдаваться.

Он сорвался с места и быстрым шагом вышел на погружённую во тьму сцену, заняв свою точку. Пока прожекторы молчали, он попытался сдуть блёстки с воротника и в этот момент краем глаза уловил короткую вспышку из зала.

«Клик»

Гу Ицзя даже не повернул головы — он и так знал, что это тот самый зритель, чей качественный снимок завтра взорвёт соцсети.

В ту же секунду на него обрушился столб тёплого света, окрасив его каштановые волосы в золотистые тона. Осевшие на плечах и в волосах серебряные крупинки мгновенно вспыхнули миллионами крошечных звёзд.

Гу Ицзя глубоко вдохнул и в очередной раз начал своё «дебютное» выступление. Это было сборное поурри, и когда подошёл его черёд, он запел, мягко и немного грустно улыбаясь в камеру:

Внутри меня живёт двойник из параллельного мира,

Я лишь мозаика из миллиардов осколков себя самого.

Я засыпаю, чтобы задать себе сотни вопросов,

Но впереди лишь туман, и назад не ведёт ничего...

Эта песня давно стала саундтреком его личного чистилища. Наверное, во всём мире не нашлось бы артиста, который исполнял бы её столь же часто. Каждое слово звучало издевательским эхом его собственной судьбы. Но какая разница? Очередной раунд игры на выживание с госпожой Судьбой. Ему не привыкать.

После финального аккорда артистов не отпустили со сцены. Под восторженные вопли фанатов ведущие весело заставили эту наспех собранную группу поздороваться с залом, чтобы разогреть толпу перед интерактивом.

Гу Ицзя знал сценарий наизусть: сейчас начнётся раздача сувениров. Зрителям должны были достаться плюшевые персики — официальные талисманы Фруктового телеканала.

Организаторы решили подойти к делу творчески и притащили на сцену небольшие пневматические пушки. Сувениры закладывались в прозрачные шары-капсулы, помещались в дуло и выстреливали в зал мощной струёй воздуха.

Гу Ицзя незаметно отступил на самый край сцены, подальше от ведущего. Пытаться изменить очерёдность было бесполезно: сколько бы он ни прятался, конференсье всё равно первым делом обратится именно к нему, чтобы поздравить с недавней кинонаградой.

Остальные звёзды вовсю дурачились с пневмопушками, стараясь выбить побольше экранного времени. Яркие шары разлетались по самым разным секторам огромного стадиона, доводя зрителей до исступления. Каждый верил, что заветный приз прилетит именно к нему. Атмосфера накалилась до предела; трибуны колыхались, напоминая бушующее неоновое море.

Стоя под софитами, он физически ощущал на себе взгляды десятков тысяч людей. Зрелище завораживало. Сколько бы раз Гу Ицзя ни проходил через это, его сердце неизменно замирало от восторга. И даже пресытившись славой, он всё равно не хотел никого разочаровывать.

Получив пушку последним, он окинул взглядом колышущийся океан огней, закрыл глаза, забавным жестом покрутился на месте и наугад направил дуло в сторону трибун.

Раздался тихий щелчок, но выстрела не последовало.

Толпа разочарованно выдохнула. Гу Ицзя недоуменно покрутил заклинившее устройство. На его памяти такого сбоя ещё ни разу не случалось.

«Надо же, новая переменная, — мысленно усмехнулся он. — Опять судьба решила подкинуть мне ложную надежду, прежде чем знатно приложить лицом об асфальт».

Он вздохнул и уже собирался заглянуть прямо в дуло пневмопушки, как стоявший рядом ведущий молниеносно перехватил его руку и отвёл ствол в сторону.

В ту же секунду раздался оглушительный хлопок, и пластиковый шар со свистом улетел ввысь. Опоздай ведущий на долю секунды, и Гу Ицзя получил бы тяжелым снарядом прямо в челюсть, выбыв из игры в самом начале шоу.

Спина мгновенно покрылась липким холодным потом. Он признательно кивнул ведущему, мысленно благодаря его за реакцию.

Тем временем запущенный шар описал в воздухе крутую дугу и полетел прямиком в VIP-зону партера, где сидели приглашённые звёзды.

Один из сидевших там мужчин — в глубоком капюшоне и защитной маске — лениво поднял голову, примерился и просто выставил раскрытую ладонь вперед.

Шар, приковавший к себе взгляды тысяч зрителей, бесшумно и мягко опустился точно ему в руку.

Пока сидевшие рядом гости восторженно вопили, этот человек оставался абсолютно невозмутимым, словно поймал не редкий сувенир, а переданную соседом чашку чая.

Гу Ицзя проводил снаряд взглядом, и в ту же секунду на незнакомца нацелились объективы сразу нескольких камер. Его скрытое маской лицо появилось на гигантских экранах по бокам сцены. В зале послышались удивлённые перешёптывания, которые лавиной покатались по трибунам, быстро перерастая в восторженный гул.

Гу Ицзя застыл на сцене, не в силах пошевелиться. В его голове набатом зазвучали те самые слова, произнесённые бархатным, невероятно близким голосом:

«... Но даже это не мешает мне любить тебя».

Человек на экране, казалось, совершенно не замечал поднявшейся вокруг него суматохи.

Он неторопливо взвесил пластиковую сферу на ладони, изящным движением длинных пальцев раскрыл защёлку и выудил наружу маленького плюшевого персика. А затем поднял голову и посмотрел прямо на сцену — туда, где стоял ошеломлённый Гу Ицзя.

Незнакомец вскинул красивые, резко очерченные брови, а в прищуренных глазах блеснула лукавая усмешка.

Губы мужчины шевельнулись, беззвучно произнося:

«Нашёл».

<http://bllate.org/book/20129/2028495>